

УДК 821.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-228-235

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА В ПОЭЗИИ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

© Тагир Гилязов

REPRESENTATION OF THE HUMAN BODY IN GABDULLA TUKAY'S POETRY

Tagir Gilazov

For the first time not only in Tukay studies, but also in Tatar philology, the article has studied the representation of the human body and its individual parts based on the works of G. Tukay, the great poet of the Tatar people. Although there are no works in Tatar literary studies specially devoted to the problems of corporeality, some observations can be found on this topic in the works where the body acts as a material object. The analysis of research and the specific features of covering this topic in the works of the poet is the novelty of this paper. G. Tukay criticized the negative aspects of society and national reality, as well as negative character traits of representatives of upper classes or an individual person by using a metonymic image of the body and its individual parts. We find an active use of such parts of the body as the nose (boryn), head (bash) and stomach (korsak) with various shades of evaluation. At the same time, in the poet's work, female beauty is the subject of inspiration and suffering, that is, it acts as an object of culture. In these poems, eyes, lips, teeth, face and hands express the lyrical hero's intimate feelings and the beauty of his beloved. In some of G. Tukay's works, individual parts of the body, the hand for example, are used as symbols, enabling to display various experiences and philosophical and existential thoughts of the lyrical hero.

Keywords: body, soul, poetry, woman, pleasure, suffering, satire, forms

В статье впервые не только в тукаеведении, но и в татарской филологии делается попытка изучить репрезентацию человеческого тела и его отдельных частей на примере творчества великого поэта татарского народа Г. Тукая. Хотя и в татарском литературоведении отсутствуют специальные работы, посвященные исследованию проблематики телесности, все же существуют некоторые наблюдения по этой теме в творчестве авторов, в произведениях которых тело выступает в качестве материального объекта. Изучение исследований, а также своеобразие освещения данной темы в произведениях поэта является новизной данной научной работы. Г. Тукай метонимическим изображением человеческого тела и отдельных его частей критикует негативные стороны общества, национальной действительности, а также отрицательные черты характера представителей высших социальных слоев или одного отдельно взятого человека. Отмечается активное использование таких частей тела, как нос (борын), голова (баш), живот (корсак) с различными оттенками оценки. В то же время в творчестве поэта женская красота является предметом вдохновения, страданий, то есть выступает объектом культуры. В стихах этой тематики глаза (күзләр), губы (иреннәр), зубы (тешләр), лицо (йөз), руки (куллар) активно используются для выражения интимных чувств лирического героя, а также красоты его возлюбленной. В некоторых произведениях Г. Тукая отдельные части человеческого тела, например рука (кул), как символ помогают отобразить различные переживания и философско-экзистенциальные мысли лирического героя.

Ключевые слова: тело, душа, поэзия, женщина, наслаждение, страдание, сатира, формы

Для цитирования: Гилязов Т. Репрезентация человеческого тела в поэзии Габдуллы Тукая // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 228–235. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-228-235

На рубеже XX–XXI вв. в гуманитарных и социальных науках проблематика человеческого тела считалась одной из актуальных. Если в ев-

ропейской и русской литературе научные исследования в этом направлении активизируются, то в татарской литературе эту тему обходят сторо-

ной. Противоречия между душой и телом в религиозной философии, влияние исламской культуры и культурно-нравственных канонов, связанных с менталитетом татарского народа, ограничивают исследования в области проблематики человеческого тела. Между тем кораническая философия, обычаи и традиции в исламе оказали сильнейшее воздействие на мировоззрение и художественное мышление не только поэтов, но и ученых и критиков. Несмотря на то что в последние годы не было нравственных и идеологических запретов, к сожалению, в этой области не сделано серьезных шагов, так как эта тема в татарском мире считалась «низкой». Скудность исследований и недоработка терминологии затрудняют нам делать выводы в научном аспекте.

Несмотря на то что в татарском литературоведении тема репрезентации человеческого тела как культурного объекта специально не изучалась, все же имели место некоторые взгляды, высказанные с осторожностью, с подтекстом. Проблема человеческого счастья, усиливающая гуманистическое начало татарской литературы, освещавшаяся в социально-национальном ракурсе, рассматривалась в плоскости семьи, любви и отношений между мужчиной и женщиной. Татарская литература, изображавшая до середины XIX в. красоту дочерей ханов, царей, султанов и гуррий, со второй половины этого века стала изображать красоту земных девушек. Тема любви весьма расширилась вследствие изменений взглядов на любовную эстетику и ее философию в положительную сторону, которые произошли благодаря социально-духовному обновлению в начале XX в. В цикле рассказов «Фамилия сәгадәте» («Семейное счастье», 1910), повести «Тормышмы бу?» («Жизнь ли это?», 1911) классика татарской литературы Гаяза Исхаки (1878–1954), внесшего огромный вклад в обновление татарского словесного искусства, тесно переплетаются проблемы семейного, человеческого счастья с интимными влечениями между мужчиной и женщиной, «красотой тела». К сожалению, совершенно новая тема в национальном словесном искусстве наткнулась на непонимание в научно-теоретической мысли. В частности, писатель и литературовед Г. Ибрагимов (1887–1938) говорил, что это «пахнущие развратом вещи», написанные под влиянием «молодых порнографических писателей как Арцыбашев¹, Вербицкая²

[1, с. 75], а этот период творчества писателя называл «порнографическим» [Там же, с. 76]. Правда, встречаются и другие мнения. А. Бикташев, опровергая субъективную оценку оппонента о М. П. Арцыбашеве, напоминает, что, помимо таких произведений, у него имеется рассказ «Смерть Ландена», который написан в духе идеи «возлюби ближнего» [2, с. 245]. Приведя несколько доводов в пользу Г. Исхаки, Бикташев подчеркивает необоснованность взглядов Г. Ибрагимова. Он указывает, что применением во время спора терминов «красота тела», «влечение к телу», «физиологическая страсть» делаются первые шаги в изучении данной темы. В литературоведении советского периода такие темы подвергались резкой критике.

Произведения С. Рамиева, Дәрдемнда, Ш. Бабица, Г. Тукая и др., в которых изображены любовь, женщина, красота женского тела, изучаются с точки зрения душевной лирики. В тукаеведении, ставшем в XX в. наукой, в сатирических произведениях поэта отдельные части человеческого тела рассматриваются как форма выражения отношения поэта к социальной действительности, не касаясь культурного аспекта. Произведениям Г. Исхаки, в которых раскрыты тема семьи и тема плотской любви, ученые, изучающие литературное наследие писателя, дошедшее до нас после распада Советского Союза, дают следующую оценку. В своих произведениях автор «применяет методы психоанализа (фрейдизм), они пронизаны мыслью о том, что человеком управляют инстинкты, то есть чувства, запрятанные в клетках головного мозга, не подчиняющиеся ни контролю над собой, ни сексуальным желаниям, ни культурно-нравственным ценностям» [3, с. 15–16].

В основу данного исследования положены принципы компаративистской методологии, которые позволяют выявить универсалии, конституирующие единство разных национальных художественно-эстетических систем, а также их уникальность и самобытность. Сравнительно-типологический подход обусловил рассмотрение широкого круга гносеологических, культурологических, аксиологических и других проблем. Исследование также основывается на герменевтической традиции гуманитарных наук, сочетающей историко-хронологический, конкретно-

¹ Вербицкая А. А. (1861–1928) – русская писательница, прозаик и драматург. Основной темой ее произведений является сексуальная свобода женщины.

² Арцыбашев М. П. (1878–1927) – русский писатель, прозаик и драматург. Автор произведений «Жена»

(1904), «Ревность» (1913), «Война» (1914). Его скандально известный роман «Санин» (1907) содержит откровенные сцены и показывает смелые философские взгляды автора, которые порой шокировали читателей и литературных критиков.

исторический принципы изучения художественного творчества.

Основоположник новой татарской литературы, пламенный публицист, литературный критик, классик национальной литературы, великий татарский поэт Габдулла Тукай (1886–1913) выигрышно использует человеческое тело и его отдельные части в освещении социальных и человечески-личностных проблем.

Обзор поэзии Тукая и произведений, посвященных поэту, показывает, что человеческое тело в татарской литературе больше является объектом воплощения социальных отношений, чем объектом культуры. Качественное и количественное изменение сатиры в татарской литературе начала XX в. произошло благодаря творчеству Г. Тукая. Он был признан «самым искусным юмористом татарского мира» [4, с. 29]. Тело, его отдельные части в творчестве поэта превращаются в форму изобличения недостатков, отсталости и уродства в обществе и национальной действительности. Р. Ганиева, исследуя сатирическое творчество поэта, отмечает, что оно «характеризуется широким охватом явлений действительности, глубиной идейного содержания, разнообразием и совершенством художественной формы» [5, с. 7]. В этом прослеживается созвучие поэзии Г. Тукая с творчеством Н. В. Гоголя. Как отмечают Г. И. Кабакова и Ф. Конт, «в гоголевском мире тело, а точнее – его части, становятся тотальными метонимиями, выражающими искаженные социальные отношения» [6, с. 14].

Как известно, еще со времен Западного Ренессанса в культуре и литературе отмечается выразительность таких частей человеческого тела, как голова, а в особенности руки. Также и Г. Тукай чаще прибегает к метонимическому изображению головы, чем к остальным частям человеческого тела. Причина в этом, по нашему мнению, помимо литературных традиций, кроется в частом употреблении компонента *баш* ‘голова’ в названиях деревень Арского района, родины Тукая. Например, Симетбаш, Иябаш, Шушмабаш и др. В его произведении «Пыяла баш» («Стеклянная голова», 1906) *голова*, выступающая силой реалистического обобщения, символизирует представителей духовенства, тормозящих развитие татарского народа и духовное обновление:

«Карагыз сез безем хэзрэт миенэ, / Миендэ магърифэт дәрде биймә? < > / Бөтенләй мөртәсәм фикре миендә: / Ялангач кыз, бәләш, тәңкә тиен дә» [7, с. 118]. – «А что видно, пересказывать при всех / Человеку поприличней просто грех. / Мысли словно отпечатали в мозгу / Голых женщин, блялиши, казы, таньгу» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Автор с помощью переносного значения изобличает глупого, распутного, заботящегося лишь о своем брюхе представителя духовенства. В. Аминева, исследуя творчество Г. Тукая в сопоставительном плане, отмечает, что «с сатирой Н. В. Гоголя данные произведения Г. Тукая сближают художественно-стилистические приемы сатирического изображения. Собираательные образы представителей определенных сословных групп создаются с помощью одной-двух деталей, концентрированно выявляющих их социально-политическую сущность и нередко вырастающих в символ» [8, с. 67].

Обогащенный различными эпитетами образ головы мы видим в стихотворениях Г. Тукая «Сорыкортларга» («Трутням», 1906), «Ишан» (1909). Он с помощью метафорических сравнений «*гәмбә баш*», «*кибәк баш*» ‘глупый’, ‘дурак’ высмеивает лживых ишанов, живших за чужой счет, вместо того чтобы сохранять нравственность в распространенном в Поволжье и Приуралье суфийском тарикате, чем пытается вызвать у читателей чувство презрения к ним. В произведении «Трутням» Тукай высмеивает представителей высших слоев общества, губернаторов, аристократов и ишанов с помощью «грубого и натуралистического изображения живота (корсак), связанного с физиологией, и его различных оценок, сравнений и метафор» [9, с. 16].

«Аристократ – сорыкортлар, калын корсак, кечек башлар; / Ашыйлар соң бирән булган кешеләр, ну гажәп, ай-яй!» [10, с. 103]. – «В нашей знати каждый – трутень, толстобрюхий негодяй, / Ну и жрут обжоры эти, поражаюсь, ай-ай-ай!» (перевод С. Ботвинника. – Т. Г.).

Автор вместо литературного слова эч ‘живот’ использует отдаленное от нормы просторечное *корсак* ‘брюхо’, и оно усиливается различными изображениями, такими как, например, связанное с перееданием *калын корсак* ‘толстое брюхо’, ‘отрыжка’, ‘плюется’, ‘сало в брюхе’ и т. д. Тукай в своем произведении очеловечивает брюхо:

«Ашар безне бу корсак, басар тиз, без болай торсак; / Әйә корсак, вәйә корсак, жиһанны капладың, вай-вай!» [Там же]. – «Это брюхо нас задавит, если будем мы молчать; / Ах ты, брюхо, ух ты, брюхо, заслонило мир, вай-вай!» (перевод С. Ботвинника. – Т. Г.).

Помимо подражания принципам сатирической типизации мировой и русской литератур в реалистической поэме Г. Тукая «Сенной базар,

или Новый Кисекбаш», написанной в восточной и национально-народной традициях, создается гротескное изображение тела человека – вернее, его головы. Поэт не просто фрагментирует человека: голова, во-первых, удалена от канонической нормы, а во-вторых, обретает самостоятельное значение, персонализуется, то есть Кисекбаш очеловечен: он движается, знакомит с произошедшими с ним событиями, выражает свои чувства, вызывает жалость у людей. Кисекбаш – это типизированный сатирический образ торговцев, глупых и развратных мулл и ишанов, лживых идеологов, с помощью которого автор дал критическую оценку татарскому обществу начала XX в. Г. Тукай, описывая голову, в которой сто амбаров упряма, тысяча пудов пива, десять вагонов глупости, одна тысяча вагонов бахвальства, десять клетей старья, разоблачает социально-нравственную сущность того времени. Анализируя художественные формы поэмы, В. Аминев отмечает, что «используемые в данном описании гротескные формы передают взаимозаменяемость и смешение вещественного, телесного и духовного, человечески-личностного, живого и мертвого, части и целого. В этом контексте деформация, произошедшая с человеком, является не просто индивидуальной травмой и личным горем персонажа, но и предстает как метафора всеобщего распада» [8, с. 58].

В близком по жанру к басне стихотворении «Нос» (1911) метонимия *нос* дает аллегорическо-метафорическое значение:

«Электэ бер кешедэ бар иде киң бит, зур ындырдай, / Аның нәкъ уртасында бер борын һәм зур чөгәндәрдэй» [7, с. 160]. – «В годы дальние, глухие, говорят, давным-давно / Некто жил с лицом огромным и широким, как гумно. / А промеж его багровых, вислых и дебелих щек / Нос, торчавший, будто свекла, был величествен и строг» (перевод Д. Бродского. – Т. Г.).

Нос, изображенный в искаженной форме – «торчавший, будто свекла», отделившись от тела, приобретает самостоятельность и становится одушевленным. Он гордится своим высоким положением и смеется над находящимися внизу:

«Тәкәббер бу борын, китми исе һич башка мәхлукка; / Олугълыкны сөя торган, чөя торган үзен күккә. / Борын тәхкыйрь итә торган иде бигрәк аяклары, / Диеп: „Сез бик түбән жирдә, ерасыз былчыракларн“» [Там же]. – «И на все, что было ниже, он презрительно глядел, / Ног особенно упорно признавать он не хотел. Дескать, им дано судьбою пыль взметать, в грязи тонуть» (перевод Д. Бродского. – Т. Г.).

Объектом унижения *носа* в стихотворении являются *ноги*, находящиеся внизу. Однако в последнем баите ноги поскальзываются, «и большой чванливый нос в лужу плюхнулся с размаха, крепко в грязь густую врос». В стихотворении проводится социально-нравственная идея „не гордись своим высоким положением, не унижай находящихся внизу, сам можешь оказаться в этом положении“. Здесь еще больший акцент делается на нравственность человека, на его действия» [11, с. 138] (перевод наш. – Т. Г.).

В произведениях Тукая сатирического, общественно-нравственного, философского содержания нет гендерного разделения человеческого тела и его частей. В окутанных тонким юмором стихотворениях поэта отдельным частям женского тела дается определенный идейно-эстетический смысл. В произведении «Егет илә кыз» («Парень и девушка», 1908), написанном в форме диалога, Тукай выражает свое ироническое отношение к физическим недостаткам девушки, сравнивая ее нос с «ковшичком», большой рот – с «ситечком» и т. д.

«Егет: „Сөям чүмеч кеби борныңны, жаным, / Гашый булдым, тәмам бетте мәжалым, жанашым, аһ, иләк авызыңны үпсәм! / Ни кайгы, инде мин шул чакта үлсәм“» [10, с. 223]. – «Как мил мне носик твой, твой ковшичек, джаным, / Влюбился, мочи нет, с ума сведен я им. / Твой ротик-ситечко дозволю поцеловать, / Я б жизнью заплатил за эту благодать» (перевод Л. Руст. – Т. Г.).

В стихотворении «Үтенеч» («Просьба», 1912) *руки* как символ помогли отобразить различные переживания и философско-экзистенциальные мысли лирического героя, находящегося в безысходности. *Рука* дается в разных значениях в следующих строках:

«Килде тоткынлык, түбәнләнде уемның куллары / Хөр заман ак кул белән күкләрдә йолдыз чүпләдем» [7, с. 233]. – «Стал я скованным, у мысли стали руки коротки: / Было время, звезды с неба доставал руками я» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Ак кул ‘белые руки’ – это творчество поэта, полное надежд и мечтаний, которые появились в результате спада давления цензуры в годы революции, а *түбәнләнде уемның куллары* ‘стали руки коротки’ – показывают нам подавленного поэта, что не в состоянии противостоять социальной несправедливости и жестокости мира. Следующий баит усиливает эту мысль:

«Ак күгәрченне кулымнан алдылар, козгын биреп; / Ак кирәк дип, пакь кирәк дип, күпме күз яшь түкмәдем!» [Там же]. – «Взяли белую голубку, дали

коршуна взамен, обливался я слезами, чистоту свою губя» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Синтезируя философские мысли автора о смысле жизни и миссии поэзии, говорит нам о написанных Тукаем ради куска хлеба, бесполезных для нации стихах:

«Ялан кул (голыми / холодными руками) в последней строфе «Ул – түгел күнлем эшеннән, тик ялан кулның эше, / Кызмагыз бик, чыкса мәйданга басылган чүпләрем» [Там же]. – «Не душой теперь пишу я, / но холодною рукой. / Не ругайтесь, если мусор вы прочтете у меня» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Женская красота, ее внешний вид и чувство любви – основные атрибуты романтической лирики. В лирике С. Рамиева³, Ш. Бабича⁴ образ любимой воспроизводится сквозь детальное описание различных частей ее тела. У обоих авторов есть стихотворение под одним названием – «Она». С. Рамиев передает красоту возлюбленной традиционными образами: *новый месяц* (брови), *полная луна* (лицо), *озера* (глаза), *солнце* (лик). И все же красота девушки вводит в экстаз лирического героя: «ах, умираю, умру я тогда» [12, с. 30]. У Ш. Бабича усилено эротическое изображение: *уста – замзам* (араб. ‘колодец в Мекке’), *губы – каусар* (араб. ‘изобилие’), *грудь – млечный вулкан* [13, с. 129]. Такое повышенное внимание к губам, навязчивая эротизация женской груди отражает мужской взгляд на женщину как предмет постоянного искушения. В его стихотворении «Девушка» (1916) лирический герой находится в состоянии возбуждения, а *күкрәк селкенү* ‘волнение в груди’, *колак шәмрәйтү* ‘наострить уши’, *кан кызу* ‘кровь кипит’ / ‘разгорячиться’ усиливают его телесное влечение:

«„Кыз“ дигәч тә селкенә күкрәк, колаклар шәмрәя... / Күзләр урыныннан куба, тоздай була, шашкан кебек. / „Кыз“ дидеңме, кан кызарга башлый, бәгърен сызлана, / Яшь йөрәктә нинди тәмле уйлар кузгала» [Там же, с. 121]. – «При слове „девушка“ – волнение в груди, уши наострены... / Глаза – как у безумного, / При слове „девушка“ кровь кипит, душа болит. / И в юном сердце зарождаются сладкие мечты» (перевод наш. – Т. Г.).

Эстет, поэт-философ Дәрдемнәд⁵ (1859–1921) в своем произведении «Рәсем» («Портрет») описывает красоту обнаженного женского тела с присущей восточному стилю скромностью:

«Тәңкәен ак, түшкәйләрен киң яраткан, Биткәенен иң очында миң яраткан; Саклар өчен зифа буен яман күздән, Чәчкәйләрен аяк белән тиң яраткан» [14, с. 32]. – «Тело – белым, груди высоким создал, / Завершая лицо, прекрасную родинку создал; / Чтобы стан ее стройной уберечь от дурного глаза, / Ливень дивных волос, до ступней закрывающий, создал» (перевод Л. Григорьевой. – Т. Г.).

Автор использует словосочетание *киң түш* (пышногрудая) вместо грубого *зур, мул күкрәк* (большая грудь). В последней строфе словами «Ливень дивных волос, до ступней закрывающий» автор достигает две цели: во-первых, уходит от натуралистического описания обнаженного тела девушки, во-вторых, делает намек на ее обнаженное тело. Исследования показывают, что на изображение красоты, портрета возлюбленной сильно воздействовали традиции восточной литературы, которые отражаются прежде всего в системе образов и средствах изображения.

Научно-критическая мысль отмечает формирование поэтического мира Тукая в контексте восточно-мусульманской и русской культур [15, с. 182]. Наряду с восточными литературными традициями на поэзию Тукая оказала влияние любовная лирика А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева. В такого рода произведениях восхищение любовью и красотой возлюбленной отражается в различных аспектах, что приводит к возникновению различных жанров. В произведениях «Хур кызына» («Гуриям», 1906), «Татар кызларына» («Татарским девушкам», 1906) восхищение красотой возлюбленной описывается присущим в гедонистической лирике описанием тела: *сызылган каш* (тонкие брови), *тузылган сач* (распущенные волосы), *баш* (голова), *зөбәржәт төсле якты күз* (глаза, словно изумруды), *кәүсәрдән татлырак иреннәр* (губы слаще, чем каусар), *нечкә бил* (тонкая талия), *мәрмәр муен* (мраморная шейка), *оҗмахка охшаган куен* (объятия, словно рай).

В любовной лирике Г. Тукая с первичной установкой на душевное партнерство тело возлюбленной фигурирует абсолютно иначе. В стихотворении «Кулын» («Твоя рука», 1908) кисть руки, перестав играть привычную роль детали общей композиции, необходимого звена портрета, обретает функцию существенного или,

³ Рамиев С. (1880–1926) – классик татарской литературы. Поэт, прозаик, драматург начала XX в.

⁴ Бабич Ш. (1895–1919) – автор романтических стихов и поэм начала XX в.

⁵ Дәрдемнәд (Закир Рамиев, 1859–1921) – классик татарской литературы. Поэт-романтик и символист.

более того, главного предмета изображения. Рука выполняет функцию ключа к открытию родной души возлюбленной, она фигурирует как вместилище родной души:

«Чын бэхетледер кулың тоткан колың; / Гайне кодсиат вэ гыйффэттер) кулың. / Ялтырыйдыр санки нурдан бер балык, – / Бер фәрештә күңледәй пакытер кулың. / Терелә хәсрәттән агуланган күңел; / И матур кыз! Зәһрә тирьяктыр кулың» [10, с. 103]. – «Источник радости и муки, / Все совершенство – твои руки. / Как рыбы, в брызгах света блещут, / Чисты, как ангел, твои руки. / И выздоравливают души, их лечат, дева, твои руки» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Повторяющийся в последней строке каждого байта радиф *кулың* (твои руки) превращается в лекарство, способное вылечить душу лирического героя, отравленное горем от сильного чувства любви. Кисть руки возлюбленной – это уже даже не собственно женская рука, а источник душевного ответа на душевное же стремление влюбленного. Лирический герой ограничивается прикосновением руки возлюбленной, а не наслаждением красотой ее тела. В душевной любовной лирике именно по рукам возлюбленной узнается ее родная душа. В последнем байте стихотворения строки «*Тукта, бер мактыйм әле дип уйладым. – / Әллә ник мактарга ансаттыр кулың!*» [10, с. 103]. – «*Дай, думаю, воздам хвалу ей, / Легко мне славить твои руки*» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.), по нашему мнению, дают нам намек на то, что в описании других частей тела женщины поэту мешают культурно-нравственные ценности.

Одним из стихотворений, где переплетаются любовные мотивы с душевными переживаниями, является стихотворение «Иһтида» («Прозрение», 1911):

«Әгәр булса „сөю“ ләфзы кочаклау куллар талганчы, / Үбү булса әгәр чут-чут, ирен бит кабарганчы, – / Гомер дә сөйгәнем юк һәм „сөям“ дип әйтмәмен һич тә; / Сөюнең мәгънәсе, минчә, биг үк гали, бик нечкә» [7, с. 186]. – «Когда любовь для вас – объятья до неможенья ваших рук / и поцелуи до припухших хотя б чуть-чуть лица и губ, / Такой любви не знал я в жизни и не узнаю никогда: / Понятьем тонким и высоким любовь жила во мне всегда» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Лирический герой произведения считает любовь великим, божественным чувством, и поэту отрицает наслаждение телом любимой и считает превыше всего платоническую любовь, духовное поклонение любимой. «В этом стихотворении, состоящем из 3 разделов и 12 байтов, ге-

рой ищет ответ на традиционный для восточной литературы и эстетики вопрос „Что такое любовь?“. В первых трех строках речь идет о том, что лирический герой далек от „низкой“ (плотской) любви – от поцелуев и объятий. Ему суждено гореть в огне другой любви, платонической» [9, с. 36–37]. Герой горит в огне любви к невидимой, субститутивной, существующей лишь в его мечтах возлюбленной, и восхищение ею передает нам в поэзии:

«Табындым, сәждә кыйлдым мин сөйгән жанашның алдында, / Өмид иттем вэ куркытым да, кызардым һәм оялдым да. / Миңа ул Бер вэ бар, көчле вэ һәйбәтле (көчле, гайрәтле) санәм (пот) булды; / Аңар хәмдем, салатымны ирештергән каләм булды» [7, с. 186]. – «И трепетал, и преклонялся я пред возлюбленной моей, / И жил надеждой, и боялся, и до волос краснел корней. / Любовь моя была мой идол, мой ослепительный кумир, / Предмет молитв и преклоненья и славословий пышный пир» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Подведем предварительные итоги.

В татарской литературе поэзия Г. Тукая делает первые новаторские шаги в описании человеческого тела и его отдельных частей. В его стихах эти описания выполняют различные функции, в зависимости от того, в каком жанре и стиле они написаны. В сатирических произведениях человеческое тело, а особенно отдельные его части – *голова, живот, нос*, становясь тотальными метонимиями, выражают искаженные социальные отношения. В любовной лирике Тукая, которая создана, с одной стороны, под воздействием мусульманско-восточной культуры, с другой стороны, русской литературы, источником наслаждения и страдания является красота земной девушки. Описывая красоту женского тела, поэт создает модель возлюбленной, рождающей в лирическом герое чувства восхищения, наслаждения и возбуждающей в мужчинах интимное влечение. В некоторых его произведениях человеческое тело, в частности руки, изображают душу возлюбленной. Мы видим, что человеческое тело, его отдельные части, стан служат ключом к открытию художественного мира Г. Тукая. Исследования показывают, что филологическая мысль начала XX в. не была полностью равнодушна к проблематике тела. Повышенное внимание к телу, которое до начала XX в. было в тени, связано, во-первых, с обновлением в татарской общественно-философской мысли, во-вторых, с изменениями в национальной литературе, то есть с освоением реалистических, романтических традиций в описании жизни чело-

века. Эта тема, в свою очередь, оказала влияние и на научно-критическую мысль.

Человеческое тело, которое фигурирует в поэзии Г. Тукая как культурный и социальный объект, показывает тематическую широту и общечеловеческую ценность татарской литературы начала XX в. и подтверждает ее развитие в контексте мировой литературы. Изображение в творчестве Тукая человеческого тела и его отдельных частей в различных литературно-эстетических плоскостях оценивается как модернистское явление, что показывает роль поэта в обновлении татарской литературы. Результаты исследования проблематики человеческого тела в поэзии Г. Тукая, а также первые шаги, сделанные в научно-теоретической мысли начала XX в., открывают новые перспективы изучения этой темы не только в тукаеведении, но и в татарском литературоведении в целом.

Список источников

1. *Ибраһимов Г.* «Мөгаллимә»нең Уфада уйналу мөнәсәбәте белән // *Әсәрләр. Академик нәшер: 15 томда: 8 т.* Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. Б. 224–235.
2. *Бикташев А.* Тәнкыйть тирәсэндә // *Гаяз Исхакый. Әсәрләр. Унбиш томда: 8 т.* Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. Б. 243–248.
3. *Ганиева Р. К.* Гаяз Исхакый ижаты. Казан: Казан дәүләт университеты, 2005. 39 б.
4. *Гыйлажев Т. Ш.* Рецензияләрдән тәгъзияләргә: XX йөз башы татар әдәби тәнкыйте. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008. 254 б.
5. *Ганиева Р. К.* Сатирическое творчество Г. Тукая. Казань: Издательство Казанского университета, 1964. 84 с.
6. *Кабакова Г. И., Конт Ф.* От составителей. От русской души к русскому телу? // *Тело в русской культуре: сборник статей / сост.: Г. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 5–16.*
7. *Тукай Г. М.* Әсәрләр. Академик басма: 6 томда: 2 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011. 384 б.
8. *Аmineva B. P.* Габдулла Тукай и русская литература XIX в.: типологические параллели. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 160 с.
9. *Ганиева Р. К.* Шагыйрьнең рухи мирасы Казан: ТаРИХ, 2002. 111 б.
10. *Тукай Г. М.* Әсәрләр. Академик басма: 6 томда: 1 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011. 407 б.
11. Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казан: Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. 864 б.
12. *Рәмиев С.* Таң вакыты. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. 272 б.
13. *Бабич Ш.* Зәңгәр жырлар : шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мәкаләләр, хатлар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1990. 544 б.
14. *Дәрдемәнд.* Әсәрләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. 239 б.
15. *Гилазов Т. Ш.* Проблема литературной репутации Тукая в научно-критической мысли первой четверти XX века // *Филология и культура. Philology and Culture.* 2013. № 3 (33). С. 181–185.

References

1. Ibrahimov, G. (2001). "*Məgallimə*"neң Ufada uinalu mənäsəbäte belän [In Connection with the Production of "Mentor" in Ufa]. *Əsərlər. Akademik nəşer: 15 tomda. Vol. 8*, pp. 224–235. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)
2. Biktashev, A. (2001). *Tənkıyt' tırəsəndə* [On Criticism]. *Gayaz Iskhakiy. Əsərlər. Unbış tomda. Vol. 8*, pp. 243–248. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)
3. Ganieva, R. K. (2005). *Gayaz Iskhakiy işatı* [The Work of Gayaz Iskhaki]. 39 p. Kazan, Kazan дәүләт университеты. (In Tatar)
4. Gylajev, T. Sh. (2008). *Retsenziyalərdən tæg'ziyalərgə: XX iöz bashy tatar ədəbi tənkyite* [From Reviews to Obituaries: Tatar Literary Criticism of the Early Twentieth Century]. 254 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)
5. Ganieva, R. K. (1964). *Satiricheskoe tvorchestvo G. Tukaya* [The Satirical Work of G. Tukay]. 84 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
6. Kabakova, G. I., Kont, F. (2005). *Ot sostavitelei. Ot russkoi dushi k russkomu telu?* [From the Compilers. From Russian Soul to the Russian Body?]. *Telo v russkoi kul'ture: sbornik statei. Sost.: G. Kabakova, F. Kont. Pp. 5–16.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
7. Tukai, G. M. (2011). *Əsərlər* [Works]. Akademik basma: 6 tomda: Vol. 2. 384 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)
8. Amineva, V. R. (2016). *Gabdulla Tukai i russkaya literatura XIX veka.: tipologicheskie paralleli* [Gabdulla Tukay and Russian Literature of the Nineteenth Century: Typological Parallels]. 160 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
9. Ganieva, R. K. (2002). *Shagıyır'neñ rukhi mirasy* [The Poet's Spiritual Legacy]. 111 p. Kazan, TARIKH. (In Tatar)
10. Tukai, G. M. (2011). *Əsərlər* [Works]. Akademik basma: 6 tomda: Vol. 1. 407 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)
11. Tukai, G. (2016). *Gabdulla Tukai. Ehntsiklopediya* [Gabdulla Tukay. An Encyclopedia]. 864 p. G. Ibrahimov isem. 864 p. Tel, ədəbiyat həm səngat' instituty. (In Tatar)
12. Rəmiyev, S. (1980). *Taň vakyty* [At Dawn]. 272 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı (In Tatar)
13. Babich, Sh. (1990). *Zəngər jырlar: shıgyr'lar, poehmalar, ehpiqrammalar, məkalələr, khatlar* [Blue Songs: Poems, Epigrams, Articles and Letters]. 544 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)

14. Dərdmənd (2003). *Əsərlər* [Works]. 239 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)

15. Gilazov, T. Sh. (2013). *Problema literaturnoi reputatsii Tukaya v nauchno-kriticheskoi mysli pervoi*

chetverti XX veka [The Issue of Tukay's Literary Reputation in the Critical Works of the First Quarter of the 20th Century]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. (33), pp. 181–185. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Гилязов Тагир Шамсегалиевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tgilazov@bk.ru

Gilazov Tagir Shamsegalievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tgilazov@bk.ru